

Цин Юй спокойно озира́л всё вокруг, размышляя о том, что Лестницу Вопросания Сердца наверняка не так-то просто отыскать, иначе он не стоял бы здесь, не видя перед собой ровным счетом ничего.

Он замер на месте и, закрыв глаза, принялся вслушиваться в окружающий мир. Его внутреннее состояние мгновенно пришло в равновесие.

Люди на высокой платформе, не затронутые дымкой, отчетливо видели всё, что происходило внутри нее, а значит, наблюдали и за действиями Цин Юя.

Глава секты кивнул и с одобрением произнес:

— Хотя духовный корень у этого юноши и не выдающийся, но твердость духа встречается нечасто. Пожалуй, из него выйдет толк.

Услышав похвалу в адрес Цин Юя, Лин Юнь пришел в такой восторг, что на его лице засияла широкая улыбка.

Он согласно отозвался:

— Хм, я тоже считаю, что этот человек весьма хорош.

Бай Цзинь, сопоставив эти слова с недавним заявлением Лин Юня о намерении взять ученика, сразу понял, что тот, похоже, положил глаз именно на этого юношу, и невольно начал пристально наблюдать за ним.

Другие старейшины, конечно же, слышали их разговор и знали о планах Лин Юня. Изначально они полагали, что Лин Юнь захочет взять в ученики того самого обладателя Небесного духовного корня, и уже было решили, что им ничего не светит. Теперь же, услышав его слова, они приободрились: за обладателя Небесного корня еще можно побороться.

В конце концов, если бы Лин Юнь действительно хотел того ученика, они бы ни за что не стали с ним соперничать. У них самих недостатка в учениках не было — одним больше, одним меньше, — а вот Лин Юнь был совсем другим делом. На его пике не было ни единой живой души, кроме него самого, поэтому они, конечно, не стали бы вставать у него на пути.

Сам же Цин Юй даже не подозревал, что из-за одной фразы Лин Юня стал объектом пристального внимания старейшин. Сейчас он чувствовал, что затерялся в густом тумане, совершенно не видя пути вперед. Он в смятении метался из стороны в сторону, но никак не мог выбраться, и в душе его зародилась тревога.

Внезапно, пока он шел, перед ним возникла деревня. При виде этого места Цин Юй застыл на месте, а его глаза расширились от потрясения.

Он помнил, что... помнил что? Почему он ничего не может вспомнить?

Охваченный замешательством, он по привычке направился в сторону дома. Как только он переступил порог, то увидел мать, сидевшую у входа. Но он не смог выдавить из себя даже слабой улыбки. Он хотел сделать вид, что ничего не произошло, и спокойно пройти во двор, однако сидевшая у двери женщина не собиралась позволять ему так легко войти.

— Стой!

Цин Юй только успел поднять ногу, как услышал резкий, пронзительный голос. Он невольно замер, его тело задрожало — это был глубокий, заложенный в подсознании страх перед матерью, который он был не в силах контролировать.

Женщина вскочила со своего места и быстро зашагала к нему. Подойдя вплотную, она схватила валявшуюся рядом метлу и принялась бить его, выкрикивая проклятия:

— Пожиратель долгов! Никчемный отброс! Лучше бы я не рожала тебя! Столько еды на тебя перевела!

— Сейчас я забью тебя до смерти, маленький ублюдок!

Цин Юй обхватил себя руками, молча снося побои и ругань. Он не молил о пощаде и не звал на помощь, зная, что это бесполезно: никто не станет его спасать, а мольбы лишь навлекут еще больше гнева. Он твердил себе, что нужно просто перетерпеть — в конце концов, он не умрет, пара ударов — это пустяки.

Боль в теле была настолько сильной, что он не мог потерять сознание и был вынужден в полном сознании принимать эти жестокие удары.

В тот момент, когда он уже решил, что сейчас умрет, до его слуха донесся голос, искушающий его:

— Неужели ты смиришься с тем, что она бьет тебя, и не ответишь?

— Разве тебе не больно?

— Ты правда не хочешь убить их?

При этих словах перед глазами Цин Юя пронеслось всё пережитое: мучения, страдания, несправедливость судьбы. Он ненавидел свою участь, но не мог ей противостоять. Убить? Разве он не думал об этом? Но способен ли он на такое?

Он сомневался, чувствуя, что не сможет.

Стоило этой мысли возникнуть, как голос тут же отозвался:

— Я помогу тебе. Ты получишь всё, что пожелаешь.

— Всё... что пожелаю?

Цин Юй вопросительно произнес это, глядя перед собой остекленевшим взглядом. Он словно не знал, чего хочет, но слова таинственного существа отозвались в его сердце.

Он жаждал этой силы. В его глазах вспыхнул красный огонек, и он рывком поднялся с земли, намертво вцепившись в метлу, которой его били.

Женщина попыталась вырвать метлу, но Цин Юй, несмотря на свою худобу, держал ее так крепко, что та не сдвинулась ни на миллиметр.

Увидев, как изменился Цин Юй, и заметив пугающее намерение убить в его глазах, женщина испугалась. Она бросила метлу и хотела бежать, но Цин Юй, словно прочитав ее мысли, на шаг опередил ее и схватил за горло.

Он сжимал пальцы всё сильнее, а затем и вовсе приподнял ее над землей.

Наблюдая, как женщина слабеет, задыхаясь в судорогах, Цин Юй почувствовал невероятное удовлетворение и легкость.

Когда женщина начала терять сознание, он швырнул ее на землю. Голос в его голове, не понимая, спросил:

— Почему ты не убил ее? Тогда ты обрел бы свободу.

Цин Юй промолчал. Как только он схватил ее за горло, сознание прояснилось. Он понял, что это испытание секты, а голос в его голове — лишь его собственная одержимость. Хотя он и питал обиду на прошлую жизнь, он не ненавидел своих родителей. Десяток лет сыновней почтительности уже сполна вернули им долг за его воспитание. Он был свободен.

В тот же миг, когда он это осознал, голос в его голове рассеялся, а сам он очнулся на том же месте. Открыв глаза, он увидел лестницу, уходящую высоко в небо, конца которой не было видно.

Он твердо сделал шаг и ступил на ступени.

Лин Юнь, наблюдавший с платформы за пришедшим в себя Цин Юем, с облегчением выдохнул. Он видел, как вокруг один за другим просыпаются люди, и лишь Цин Юй всё не открывал глаз, что заставляло его сильно нервничать. Он уже хотел было вмешаться и помочь, как вдруг юноша очнулся.

Остальные старейшины смотрели вдаль, но Цзинь Шэн не сводил глаз с Лин Юня, заметив, как тот переживал за этого ученика. Ему стало безумно любопытно, что же это за человек такой, раз смог заставить вечно чуждого мирской суете Бессмертного Преподобного Лин Юня загореться желанием взять ученика и так сильно за него волноваться.

Он решил, что непременно должен будет взглянуть на него позже.

Лин Юнь не знал, что его необычное поведение давно заметили. Он смотрел, как Цин Юй приближается к вершине лестницы, и сердце его переполняли радость и гордость.

Система 001, случайно уловив его мысли, безразлично произнесла:

— И чем ты гордишься?

Лин Юнь не распознал сарказма в его голосе и, приняв вопрос за чистую монету, с улыбкой ответил:

— Конечно, я рад! Это же Господин! А я — его семья, его младший брат, разве я могу не радоваться?

001, услышав это, зацепился не за объяснение, а за слово младший брат.

Глядя на этого наивного юношу, 001 пришел к неутешительному выводу. Словно желая подтвердить свои подозрения, он осторожно спросил:

— Маленький Лин Юнь, ты понимаешь, в чем заключается наша миссия?

— Разве не в том, чтобы покорить Господина?

Сказав это, он посмотрел на 001 как на дурака, словно удивляясь, что тот задает столь очевидные вопросы.

001 почувствовал себя оскорбленным. Он не стал больше ходить вокруг да около и прямо заявил:

— Покорить — значит не стать его родственником, а стать его возлюбленным!

Как только эти слова сорвались с его уст, спокойствие на лице Лин Юня мгновенно треснуло. Он никак не ожидал, что всё обстоит именно так.

Опомнившись, он вскрикнул про себя:

— Что?!

<http://bllate.org/book/22204/2314791>